

КАК ПОЯВИЛИСЬ НОВЫЕ ФОРМЫ ЛЮБВИ

Первая в мире детская революция разразилась во Франции в 1990 году. Простыми уличными демонстрациями около 100 тысяч подростков сумели заставить правительство выделить 4,5 миллиарда франков. Ни одно движение взрослых никогда не добивалось триумфа так быстро и безоговорочно. Школьные учителя протестовали на протяжении десятилетий, но тщетно. Медсестры, хоть и обладали властью над жизнью и смертью, не смогли добиться забастовками таких же результатов. Но дети не испытывали ни благодарности, ни эйфории.

Мандарин Мартинон считалась лидером лионских школьников. Журналисты были поражены тем, что хрупкая шестнадцатилетняя блондинка вызывала такой страх у чиновников, но со своей стороны она видела, что правительство боится ее и ее друзей. Политики, которые пытались польстить детям, приглашая их в министерства и даже в президентский дворец, выглядели жалко: их речи, по ее словам, были «очень хитрыми, создавали впечатление, что они все понимают, но нас не обмануть...» Каждый из детей по отдельности, возможно, поддался бы давлению; но вместе они отвергли эту риторику как демагогию. Политики не глупы, считает Мандарин, но они интриганы и стремятся действовать исподтишка. Среди них нет ни одного, кто «воплощал бы мои идеалы. Мне будет трудно голосовать, когда я получу право на это». Прежде всего дети были полны решимости не поддаваться на манипуляции политиков и даже своих старших товарищей в университетах,

с которыми они старательно избегали объединяться. Они хотят, чтобы их мир оставался независимым, потому что альтернатива, предлагаемая взрослыми, уже не привлекает их.

Будучи провинциалкой, Мандарин с подозрением относится к Парижу, возмущаясь тем, что парижские дети считают, будто могут говорить от имени остальной Франции. Как жительница рабочего пригорода Виллербан, она возмущена претенциозностью богатой лионской буржуазии. Ни при каких обстоятельствах она не потерпит никаких группировок, которые пытаются навязать ее движению свои идеи. Она повторяет, что является представителем, а не лидером, принимающим решения; ее единственная цель — дать всем школам возможность самим решать, как вести дела.

Ибо эти дети по духу уже не дети. Их спины сторблены, как у старых мудрецов, от памяти обо всех неудачах их родителей и предыдущих поколений. В них было вложено столько знаний, что они мало чем способны искренне восхищаться. Все предыдущие революции — так говорят учебники истории — заканчивались катастрофой. Восстания в Восточной Европе выявили трагические проблемы: «Мы слишком много знаем о мире. Мы утратили свою идеологию; мы знаем, что ее уже невозможно заставить работать в реальной жизни». Зарубежных примеров для подражания, подобных Китаю и России, уже нет. Мандарин бывала в Англии, но она показалась ей «слишком уважаемой»; в США «еще хуже».

У нее лично есть некоторые идеалы: равенство превыше всего, демократия тоже, следует сопротивляться угнетению со стороны государства, но сохранить его роль в культуре и телевидении. Она за демилитаризацию, но без отмены армии. Она хочет помочь бедным, выступает за инновации, но одновременно боится перемен и сомневается, хотят ли их другие. Она не пытается убедить или переубедить кого-то. В ее школе создаются комитеты для скромного обсуждения того, какие изменения внести в бюджет школы и какие права должна иметь каждая группа внутри нее;

единственная цель — превратить школу из фабрики по подготовке к экзаменам в «место для жизни». Школа стала для детей вторым домом; они принимают ее, как принимают свой собственный дом; все, чего они хотят, это попытаться сделать ее максимально полезной.

Однако, когда Мандарин начинает делиться самыми сокровенными мыслями, выясняется, что она стала настолько отличаться от своих родителей-утопистов не только из-за общего разочарования. Она очень дружна со своим отцом, который в 1968 году был маоистом и готовит дома на всю семью. Когда она делала плакаты для своих демонстраций, он сказал ей: «Не так надо делать плакаты». В юности он рисовал настоящие шедевры, и они много смеялись, переделывая плакаты Мандарин. Но главное отличие состоит в том, что Мандарин не уверена в себе. «Я не творческий человек. Я не чувствую себя способной. Возможно, мне не хватает честолюбия». А почему? «Потому что риск при скромных запросах минимален». Она планирует работать в сфере коммуникаций, организовывать культурные мероприятия для муниципалитета или помогать в театре, но сама не будет ставить спектакли: «Это слишком большой стресс. Я тревожный человек. Особенный стресс я испытываю во время экзаменов, потому что каждый из них ощущается так, будто на суд зрителя представлено все мое существование». Ее беспокоит не конкуренция среди молодежи за лучшие рабочие места, а война внутри себя за то, чтобы доказать себе свою компетентность: «Возможно, я никогда не избавлюсь от стресса».

Не очень помогает тот факт, что девочки успешно учатся в школе, что девочек чаще, чем мальчиков, избирают представителями класса. Во время демонстраций она с восхищением наблюдала, как легко девочки брали на себя инициативу, даже когда мальчиков было большинство: «Мы пользовались своим обаянием». Мандарин начала демонстрации в Лионе вместе с другой девушкой: «Мы никогда не считали себя девочками». Женский вопрос никогда не возникает, никогда не обсуждается. Это все позади.

Неравенство между полами — это проблема, но они займутся ею только тогда, когда начнут работать. Тогда они с этим разберутся. Между тем у них есть проблемы, отличные от тех, что мучили их родителей, одержимых острыми ощущениями от наркотиков.

Мандарин много говорит со своими друзьями о любви. Она встречалась с парнями с двенадцати лет, но любви так и не нашла, только дружбу. «Мы обсуждаем, возможна ли дружба между мужчиной и женщиной. Мы пришли к выводу, что возможна, но это сложно, потому что физиологические желания усложняют отношения». Свободный секс больше не является чудодейственным решением. Секс уже даже не способ дружить, а проблема внутри дружбы. Они шокированы тем, как грубо мальчики говорят об этом, «но мы думаем, что они пытаются скрыть, насколько поддаются влиянию девочек, притвориться сильными, замаскировать свои эмоции». Не сумев прийти к единому выводу о том, как себя вести, девушки разделились на два лагеря. Одни часто меняют партнеров, чтобы не привязаться слишком сильно к кому-то одному. Но становится все более модным находить партнера еще в очень юном возрасте и хранить ему верность на протяжении всех школьных лет. Цель — безопасность. «Мы чувствуем себя сильнее, когда нас двое». Дети разведенных родителей либо пытаются создать стабильные отношения, либо отвергают саму идею пары.

Мандарин и ее друзья высоко ценят любовь, но не могут ее найти. «Мы видим ее в американских фильмах, но не видим дома. Мы переживаем ее только через визуальные образы». Дискуссии о СПИДе лишили секс ореола таинственности. Но Мандарин изо всех сил пытается сохранить романтическое представление о любви: это означает, что она сама для себя решает, что такое любовь. «Мы не хотим, чтобы любовь стала обыденной, банальной. Это должно быть что-то личное. Я не хочу раскрывать подробности своей личной жизни. Если нас заставят говорить о нашей частной жизни, это станет обязателькой, и станет неинтересно».

Из этого видно, что любовь — одно из последних прибежищ, где человек может почувствовать, что способен достичь какой-то благородной цели и получить одобрение другого человека: одна из немногих форм успеха, способная выстоять против неуверенности в себе.

Любовь уже не та, что была прежде. Сегодня увеличилось число женщин двух типов, которые раньше были малочисленны: образованные и разведенные. Каждый раз, когда появляются люди нового типа, они придают страстям новое направление. Может показаться, что они продолжают верить в то, что любовь загадочна, и говорят о возможности влюбляться бесконтрольно, как будто любовь никогда не меняется. Однако в прошлом они часто разбирали, из каких элементов состоит любовь, и комбинировали их по своему усмотрению, искажая, добавляя, подавляя. Люди совсем не так беспомощны перед лицом страсти, как это представляется в легенде. Им удавалось вкладывать в нее новые смыслы снова и снова, так же неожиданно, как они превращали зерно в хлеб, пельмени и пирожные из слоеного теста.

Всем известно, что страстной любви придали новую форму немецкие поэты-романтики, а до них — рыцари и трубадуры Франции, которые трансформировали отголоски эмоций, отточенные арабскими завоевателями Испании. Но эти изменения указывают не одно направление. История любви — это не стремительное движение к большей свободе, а приливы и отливы, водовороты и длительные периоды затишья. У современных жителей Запада, пользующихся противозачаточными средствами, есть множество альтернатив. Удивительно, что теперь, когда любовь ценится выше, чем когда-либо, школы не преподают ее историю, ее битвы, взлеты и падения, ее методы в дипломатии, риторике, а также лицемерие ее экономики. Возможно, половое воспитание окажется первым этапом гораздо более длинной учебной программы.

Процесс перехода страстной любви в разные формы особенно наглядно представлен в сказках «Тысячи и одной ночи», окутанных лунным светом, ведь средневековые арабы когда-то были самыми искушенными любовниками в мире.

В Аравийской пустыне кочевники-бедуины, ведущие самый простой образ жизни, не нуждались в страстной любви. В VI веке в своих песнях они представляли ее как колдовство, проделки джиннов, эффект подобной любви считался сродни вину, вызовом обычаям; и они издевались над мужем, который слишком сильно любил свою жену. Такая позиция в тот или иной период преобладала в большинстве стран. Это нормально, потому что она основана на страхе, а страх — это нормально. Однако у бедуинов допускалась легкая фамильярность между полами, шуточные отношения были частью этикета, мужчины и женщины могли говорить друг другу практически все что угодно. Именно благодаря этой игривости возникла необычная идея, что два человека могут любить друг друга до такой степени, что отказываются от всех остальных. Иногда шутки между местной девушкой и заезжим иноземцем (традиция гостеприимства позволяла чужакам вольности, в которых бедуины отказывали самим себе) бросали вызов племенной лояльности. Юмор, служивший предохранительным клапаном обычаев, выходил из-под контроля, и возбуждение от нарушения правил, от риска, авантюрного привкуса неизведанного, от мысли, что ты идешь против мнения всего мира, предпочтения таинственного знакомому лицу стало заговором страсти. «Что между нами принесло любовь в долине Багид?» — спрашивается в одной бедуинской песне, и тут же дается ответ, что это были шуточные оскорбления, которыми обменивалась пара, реплики, постепенно разрушившие, казалось бы, непреложные истины. Иностранец мог выставить обычаи нелепыми. Влечение становилось взрывоопасным, когда его разжигало веселье. Ибн Хазм, самый известный арабский авторитет в области любви, сказал: «В любви первая часть — это шутки, а последняя — абсолютная серьезность».

Именно в Мекке и Медине в I веке мусульманской эры (начиная с 622 года н. э.) женщины привнесли в свои чувства еще один ингредиент, создавая новые настроения с помощью музыки. То, что это произошло в переходный период, когда люди теряли вкус к старым привычкам и были взволнованы предлагаемыми им новыми, не было случайностью. В богатых городах предавались удовольствиям и пиршествам, отчаянно желая забыть об окружающих опасностях. Певцы были «всемогущими», как современные поп-звезды. Богатые женщины расширяли свои традиционные свободы, навязывая условия женихам до замужества, отвергая любые предположения о том, что жена должна быть рабыней. Сакина, внучка Али, двоюродного брата Пророка, была одной из таких свободных духом дам, не носила чадру и не подчинялась своему мужу. Она организовала литературные и музыкальные салоны (арабское слово «меджлис» означало собрание знатных людей). Туда стекались богатые молодые люди, чтобы выпить запретного вина или менее порицаемых бродящих соков «набид» и послушать поэтов и певцов. Сакине удалось договориться о встрече с самым известным певцом того времени, Умаром ибн Али Рабиа, и она и ее друзья до рассвета в пустыне говорили о чувствах. Его песни были прежде всего о чувствах. «Держите женщин подальше от песен, потому что это призыв к прелюбодеянию», — гласит пословица. Умар отдавал свое сердце одновременно нескольким женщинам, никогда не вздыхая по тем, с кем расстался: «Ах, сколько у меня было подруг, от которых я ушел, ни разу не возненавидев их, всегда дорожа ими». Это была не совсем та страсть, которую желали вызвать эти женщины, и песни Умара полны их жалоб, их попытка сделать жизнь интереснее сделала ее печальнее. Но смелость неизменно приводит к неожиданным результатам. Именно это ее и определяет: готовность столкнуться с чем-то неожиданным.

Когда на религиозных праздниках одобрялась только музыка бубна, эти певцы Мекки и Медины привезли из Персии лютню, предшественницу гитары, и, несмотря на протесты, что это

инструмент похоти, мужья, занятые собственными удовольствиями, не мешали дамам. Это сработало как заклинание. Певцами были «юноши необыкновенной красоты», с волосами до плеч. Часто это были освобожденные рабы, над которыми не довели тиранические семейные узы. Возможно — незаконнорожденные дети знатных людей. У них всегда были проблемы с властями, но их регулярно спасали от наказания их поклонницы. Старые песни были о войне, а эти певцы пели только о любви, и женщины требовали текстов, в которых могли бы узнать свои собственные чувства. Исследования лояльности между отдельными людьми, помимо лояльности к племени и семье, опять проводились с иностранной помощью. Внедрение чужих мелодий защитило эту смелость, окутав ее тайной. Знаменитый певец Ибн Мухриз отправился в Персию изучать музыку и традиции утонченной любви, «сладоэротического созерцания», сказок, где говорилось, что государь недостоин царствовать, если он не умеет любить. Затем он отправился в Сирию изучать греческую музыку и привез такие мелодии, каких никто никогда прежде не слышал. В городах с энтузиазмом восприняли новинку, при условии, что ее смешивали со старыми бедуинскими мелодиями вроде неровных ритмов верблюжьей песни. Иностранная музыка стала в обновлении страстной любви вторым ингредиентом после юмора, как это случалось много раз, как происходило с африканской и американской музыкой в наши дни. Арабскую любовь французским трубадурам передали не философы, а музыканты. Музыканты по обе стороны Пиренеев понимали друг друга, потому что настроение заразнее идеи. Слово «трубадур» может происходить от арабского *тараб*, что означает «музыка».

Исламское благочестие в итоге заставило женщин, посвятивших себя улучшению отношений между полами, замолчать. Тогда страсть обрела иную форму. В следующем столетии шумный город Басра пережил аналогичную эпоху «головокружительной неопределенности»: ценности попали в водоворот,

«свободомыслие, моральная раскованность и склонность к легкомысленным удовольствиям вызывала эмоциональную экзальтацию», «у женщин наблюдались мистические переживания». Еретики другого типа теперь использовали любовь, чтобы побороть сомнения. Самый известный из них, Башар ибн Бурд, был злым молодым человеком, а в старости стал еще злее: он был одаренным поэтом персидского происхождения, и ему неуютно жилось среди арабов. Он чувствовал, что его не ценят, и действительно, в конце концов он умер в результате порки — наказания за то, что он раздражал халифа. Презируя мир и его порядки, признавая мораль и религию, отвергая власть, разрываясь между материализмом и поиском абсолютного искупления, он мстил себе безудержными пасквилями. Он не боялся стихами говорить соперникам, что он о них думает:

Ты сын похотливого животного,
Ты гнилой, грязный бродяга.

Вокруг него ересь подвергала сомнению почти все. Например, мутазилиты (слово означало «держаться на расстоянии») выступали против догматизма в пользу «позиции между двумя позициями», в пользу свободы воли, утверждая, что никто не может быть полностью прав или полностью неправ. Единственное, в чем они были уверены, — что страсть — это неизбежная физическая или космическая сила. Именно в этой атмосфере разочарования любовные страсти стали наивысшей ценностью. Башар воспевал не свою любовь к какой-то конкретной женщине, а стойкость в любви вообще, несмотря на все препятствия на ее пути. Этот бой нравился ему больше всего. Затем он высмеял собственную неискренность: «Я достаточно лгал, чтобы иметь право говорить правду». Страстная любовь превратилась во флаг бунта.

Аль-Аббас ибн аль-Ахнаф, другой известный поэт Басры, провозгласил: «Нет добра в тех, кто не чувствует страстности любви»,

как если бы влюбленные были тайным обществом самоистязателей. Он стал бешено популярен после эмиграции в Багдад, ко двору Гаруна аль-Рашида, где его стихи были положены на музыку. Калиф, страстно любящий рабынь, от которых теоретически мог требовать всего, чего ему заблагорассудится, чувствовал, что есть нечто не подвластное его могуществу. Аль-Аббас объяснял страсть как стремление к недостижимому. Партнер, на которого она направлена, не был ее настоящим объектом. Любовь была признаком внутренней слабости, всегда безнадежной. Аль-Аббас пел о несчастной, целомудренной, парадоксальной любви, заявляя, что он счастливее всего тогда, когда его любимая вне досягаемости. Любовь и секс разошлись: «Тот, кто любит безответной любовью и остается целомудренным, умирает мучеником». Идеализация женщин, конечно, не улучшила отношения к реальным женщинам; напротив, она символизировала разочарование в них.

Светским людям, любившим метафизические рассуждения о том, что такое любовь, и желавшим просто наслаждаться удовольствиями без боли, явно требовался более практичный подход для удовлетворения своих желаний. Они жаждали хеппи-энда, а не неудобств, порабощения или крайностей мятежной страсти. Их привязанность должна была быть совместима с лояльностью к сообществу, дававшему им статус. Им было удобно не вникать слишком глубоко в личность объекта своей любви. Такое отношение отражено в «Книге песен» Абул-Фараджа аль-Исфахани (ум. в 967 г.). Он был предшественником светской элиты, славился прекрасным чувством юмора, любил веселую компанию представителей любых национальностей, был вхож в высшее общество, постоянно путешествовал, всегда не один. Он показал, как можно избежать в любви театральности, пафоса, трагедии или беспокойства, когда женщины постоянно играют лишь второстепенную роль; как можно приручить любовь и сделать безвредной, чтобы потом хвалиться ею, как разновидностью ностальгии.

Но для светских людей, которых не привлекали такие легкие и поверхностные отношения, альтернативу предложил Ибн Хазм из Кордовы (994–1064). Его трактат о любви «Ожерелье голубки» стал кульминацией жизни, где все пошло не так. Он жалуется, что его ссылали, предавали, угнетали, грабили, доводили до отчаяния и он был «в ожидании дальнейших ударов судьбы». Мусульманская Испания, по его мнению, «саморазрушалась». Одним из его решений было новое отношение к любви. Он писал о любви не только для того, чтобы восхвалять ее: влюбившись за эти годы трижды, он проанализировал в книге свои интимные переживания, хотя и знал, что люди сочтут это неприличным для такого видного общественного деятеля, министра и ученого. Он ведь говорил, что любовь привносит обновление в жизнь, делает жадных людей щедрыми, хамов — милостивыми, глупых — мудрыми, волшебным образом превращая недостатки в достоинства, чтобы каждый мог надеяться, что его полюбят: не было на свете большей радости, чем взаимная любовь. Он превозносил половой акт как необходимую часть любви, «замыкающую цепочку и позволяющую потоку любви свободно течь в душу».

Но самым оригинальным в Ибн Хазме была его убежденность в том, что любовь важнее всего, потому что она может быть чем-то гораздо бóльшим, чем просто успокоительным средством или личным утешением. Он хотел заново сделать любовь главным переживанием в жизни. Обычно, по его мнению, люди используют слова любви как маски, притворяясь теми, кем не являются, тогда как может быть и наоборот — она становится зеркалом, отражающим, кто они на самом деле. Целью его книги было помочь им узнать, что означают любовные признания и поступки. И он хотел, чтобы смысл был ясен, протестуя против традиции придавать таинственный смысл утверждениям, которые просты по своей сути. Хотя он сам был экспертом, экспертам он не доверял. Его панацеей было общение. Истину, говорил он, следует понимать максимально просто, игнорируя объяснения слишком искушенных ученых мужей. Люди ошибались, усложняя себе жизнь собственным умом. Хотя

в приливе сентиментальности он называл любовь «самой восхитительной, самой желанной болезнью», он видел в ней способ самопознания или хотел, чтобы она была частью самоанализа. Он сказал, что его воспитывали женщины, и ему интересно, что они думают. Он влюблялся только в блондинок, поскольку его первой любовью была рабыня-блондинка и он так и не смог полностью забыть ее. Но он мог заинтересоваться другой только «после долгого знакомства и общения». Желание понять душу женщины означало открыть дверь, которую большинство мужчин предпочитали держать закрытой.

Он принадлежал к секте захиритов, которая пыталась упростить ислам для понимания. Главный поэт куртуазной любви в Багдаде Ибн Дауд (ум. в 909 г.), автор эротической антологии «Книга цветка», был сыном основателя этой секты — Дауда Исфahanского. Другой захирит, Ибн Араби (1165–1240), родившийся в Испании, один из самых влиятельных мусульманских мыслителей, говорил, что сам он находился под сильным влиянием нескольких замечательных женщин. В «Толкователе желаний» он раскрыл, к чему может привести понимание женщин, полученное через любовь.

И сердце мое принимает любое обличье —
То луг для газелей, то песня тоскливая птичья;

То келья монаха, то древних кочевий просторы;
То суры Корана, то свитки священные Торы.

Я верю в любовь. О великой любви караваны,
Иду я за Кайсом, иду я дорогой Гайляна.

Вы, Лубна и Лейла, для жаркого сердца примеры.
Любовь — моя сущность, и только любовь — моя вера*.

* Перевод З. Миркиной.

Итак, вот пять совершенно разных видов страстной любви, возникших за сравнительно короткое время только в одной части мира. Сексуальное желание, эмоции, фантазии и все, что называется инстинктом, несомненно, можно объединить тысячей других способов. И когда любовь хотя бы на мгновение вознаграждается еще более неуловимым ощущением — уверенностью в себе, она становится не просто личной тайной, но и общественной силой.

Игривость, с которой все началось, ведет дальше простого смеха. Играть — значит давать себе временную свободу от долга и обязательств, добровольно идти на риск и волноваться оттого, что не знаешь исхода. «Притворство» — это осознанный восторг от альтернативных возможностей и признание того факта, что никакая победа не бывает окончательной. Случайно ли то, что глагол win («побеждать») происходит от индоевропейского корня wen, означающего «желать», а глагол lose («терять») — от корня los, означающего «освобождение»? Может ли игра в победу и поражение стать обучением свободе? Испанское слово «победить» (ganar) происходит от готского ganan («жаждать»), а perder («потерять») — от латинского perdere, что первоначально означало «отдавать полностью». Утонченный любовник, не желавший обладать своим идеалом и игравший в поддавки, обнаружил, что, хотя цель бизнеса и войн прозаична — завладеть чем-то, в любви важнее всего игра. Желание играть — одно из условий творчества. Любовь не только не отвлекает от творчества, но и является его ответвлением.

Во всех пяти историях где-то есть незнакомец, что неудивительно, ведь любовь всегда возникает к чему-то странному, уникальному, к тому, кто не похож ни на кого другого, но затем превращается из пугающего в знакомое. В прошлом влюбленные, вероятно, больше всего боялись одиночества, но теперь еще сильнее тревожит ограничение отношений статичными рамками. Жажда новых впечатлений, неизведанного, незнакомого сильнее, чем когда-либо. Так что для создания крепкой самодостаточной семьи уже мало

объединить двух изгнанников. Творчество в более широком смысле — вот современное искушение. Увлечение чем-то странным, как и игра, — это шаг к творчеству.

На протяжении большей части истории любовь считали угрозой стабильности личности и общества, поскольку стабильность обычно ценили выше свободы. Еще в 1950-е годы всего четверть обрученных пар в Америке заявляли, что влюблены по уши, а во Франции менее трети всех женщин утверждали, что пережили *большую любовь*. Сорок лет спустя половина француженок жаловались, что мужчины в их жизни недостаточно романтичны, и хотели, чтобы они хотя бы чаще говорили: «Я люблю тебя». Они сходятся во мнении, что любовные увлечения в современной жизни сложнее, чем в прошлом, но золотой век так и не наступил. В отчаянии многие из них говорят, что относятся к животным и спорту с большей страстью, чем к людям. В России на заре гласности даже среди молодоженов в списке из 18 причин для вступления в брак любовь занимала лишь пятое место. А это значит, что страсть — искусство, которым людям еще предстоит овладеть, а любовь — это незавершенная революция.

На протяжении примерно десяти веков в Европе в основном находили отражение два направления арабской любовной концепции — идеализация женщин и слияние душ влюбленных, — ни одно из которых не может удовлетворить желаний тех, кто стремится понять своих партнеров такими, какие они есть, и продолжать существовать как более-менее самостоятельная личность. Когда-то идеализация казалась рыцарским ответом на непостоянство привязанности, а союз был романтическим решением проблемы одиночества. В обоих случаях любовь служила лекарством, потому что мир переживал ипохондрическую фазу истории, когда доминировало чувство греха, или вины, или стыда, и вечные жалобы на то, что люди неадекватны, неспособны достичь божественного совершенства. Любовь помогала им не хуже и не лучше, чем другие народные средства. После всех этих экспериментов со страстью

на протяжении веков она остается такой же эфемерной, а одиночество продолжает расширять границы своей империи.

Мандарин Мартинон не ограничивается возвращением к «романтике» в поисках альтернативы представлениям своих родителей о любви. Социологи, опросившие образованных девушек вроде нее, не могут придумать другого слова, которое полнее выразило бы их стремление уйти от цинизма, стремление к чему-то большему, чем простое удовлетворение, сбалансированная жизнь, иногда приправленная пикантным эротическим соусом. Однако, когда эти девушки говорят: «Мы хотим сделать жизнь прекраснее» и когда они причисляют любовь к одному из искусств, их не интересует искусство репродукции: недостаточно воспроизводить прошлое, когда знаешь, насколько оно мрачно. Они хотели бы изобрести новое искусство любви, и существует множество прецедентов, показывающих, что это возможно.

Однако каждое изобретение требует новых ингредиентов или отказа хотя бы от части старых. Самое устаревшее убеждение, которое давно пора выбросить на свалку, состоит в том, что парам не на кого положиться, кроме самих себя. Это столь же необоснованно, как и убеждение, что современное общество обрекает человека на одиночество. Теперь, когда мальчики и девочки получают образование вместе и устанавливают в школе дружеские отношения, каких раньше не существовало между полами, любовь может принять другие формы. Какими они могут быть, станет ясно, когда мы продолжим исследовать страсти, одну за другой.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

